Старый мост как ноктюрн в синем и золотом

Кто родился в январе,
Вставай, вставай, вставай…
Застольная песня

В Издательстве Stella под патронажем Международной гильдии писателей вышел Литературный альманах-ежегодник «Плеяда», в котором – наряду с произведениями классиков русской литературы – в той или иной мере представлено творчество Коллектива современных авторов.

В данном эссе ваш покорный слуга не намерен давать какие бы то ни было оценки жизненному пути либо творчеству мэтров и касаться – пусть даже вскользь – произведений, представленных конкретными нашими современниками, а предпримет попытку соткать полотно из впечатлений, оставленных прозой и стихотворениями исключительно Коллектива Авторов.

1.

Автор, **родившийся в январе**, как и большинство из нас, задаётся вопросами: *«Кто мы в этой жизни? И для чего пришли? […] «У женщин много миссий на этой Земле. Первая миссия каждой женщины реализоваться как жена. […] Вторая миссия женщины – реализоваться как мать. […] Своим читателям я хочу пожелать, чтобы они всегда ставили перед собой вопрос: «Почему?» Чтобы читатель вдруг осознавал самые простые вещи и переставал винить обстоятельства, родных или жизнь в своих бедах и неудачах. Понимал, что только он сам является причиной происходящего с ним.»*

Ни с одним из этих постулатов автора не могу согласиться. Спро́сите, почему?

Автор, **родившийся в феврале**, как и большинство из нас, задаётся теми же вопросами: *«Кто я? Зачем пришла в этот мир?»* И констатирует: *«Ответ приходит и ускользает.»*

Автор наступает, в принципе, на те же грабли, что и январский прозаик: *«Я думаю, что Всевышний меня прислал, во-первых, продлить род человеческий…»* (Повторюсь: что делать тому, кто не смог продлить? Застрелиться? Больная тема…)

Далее у *февралины* – рассказ-воспоминание об отце, что, в общем-то, правомерно: ведь речь идёт о свершившемся факте: род продолжается. Автор благодарен отцу – любящему, но строгому, а событие из далёкого детства, в принципе, невольно происходит по вине любящей дочери.

Родившийся в марте поэт и публицист – «Ветер северо-восточный: / воздух северных морей!..» Моряна, в стихотворении которой представлены все основные стихии нашей Вселенной.

Один из **апрельских авторов** слегка иронизирует над собой в стихотворении «Я не стану…»:

Я никогда не прыгну с парашютом –
Да не боюсь я, просто не хочу…

Далее он описывает «калейдоскоп [всевозможных] событий», обозначая цель собственных действий:

Я напишу стихи для вас,

А вы их просто прочитайте...

Затем великодушно «прощает Осень» и делится с читателем великим множеством того, что ему «осталось только». В частности:

Закрыть глаза и снова с кем-то разминуться,
Оставив за плечами прошлый век.
Шагнуть во двор и от восторга задохнуться,
Поймав губами самый первый снег...

И далее – другие проникновенные чисто женские (в хорошем смысле) стихи.

Второй из родившихся в апреле авторов предлагает читателю исключительно гражданскую лирику:

Наш мир, основанный на зле,
другим не будет до скончания.
А мы пришли на отпевание
Тех светлых дней, когда отчаяние
не различали мы во мгле.

Но это вовсе не значит, что ему не присущи мысли и чувства, которыми делится ещё один автор, «дежурный по апрелю»: *«Живу, люблю, пишу и каждый день благодарю Небеса.»*

Перу первого из **родившихся в мае** авторов подвластны и проза, и поэзия. Из вступления о нём известно практически всё, но:

Не всё про себя ещё знаю:
Что скрыто во мне, что таится,
Не зря же Двадцатого Мая
Мне выпало счастье родиться.

Этот солярный человечек обеспокоен:

Из памяти я вашей не стираюсь?

И напоследок потрясает нас стихотворением «Мемориал «Разорванное кольцо».

Второй майский автор в вечном поиске нового знания пролагает «тропу в ущельях» тайн, «бродя меж скал безвестных» жизни:

Ищу ненайденное что-то,
ловлю обрывки слов и снов,
как будто новая работа
важнее всех иных основ.

Третий – реально видевший горные вершины, «ким, где собиралась молодежь, / Красавиц, что несут с водой кувшины…», «…на пастбищах отары, / На крышах – стайки озорных ребят», – буквально одержим желанием вернуться однажды в родной Судур:

Как хочется опять глядеть с балкона
На красный шар, летящий за Шах-даг,
И слушать щебет ласточки знакомой,
Поющей песни о родных краях!

Июнь переносит нас с Северного Кавказа в Древний Египет:

Профиль мой шлифовали года,
Повторяли века: «Нефертити»,
Оттого и на райской орбите
Я покой обрести не смогла.

Второй июньский автор дарит нам нежданную встречу с … «Наёмником».

Третий тоскует по родине и ищет своё место под солнцем, по сути, в чужой стране. Из стиха в стих кочует лейтмотив:

Я отбилась от дна, чудом вышла из ада
И вроде бы меня там больше нет.

Четвёртый, напротив, не чувствуя себя в другой стране чужеродным элементом, обосновывает своё страстное желание стать оливой:

Жизнь, увы, коротка,
И гоненьями сдобрена густо;
Вечность врат Золотых
Не сумеет продлить её бег.
Но пока я дышу,
Все мои приноровлены чувства
К рощам здешних олив,
Где прошу я остаться навек.

В **июле** родился один из моих любимейших авторов – оптимист, хотя на этот раз его тревожат несколько иные темы, чем предстоящее замужество с преодолением длинной полосы искусственно созданных бюрократами препятствий:

моё завтра уже прикинь под большим вопросом
кем хотелось бы стать? не смеши мои старые тапки
разгоняется жизнь и экспрессом летит под откос и
там где тонкое рвётся урчат ракеты и танки…

Дальше тоже комментарии излишни:

на сакральный вопрос «кем ты хочешь завтра проснуться?»
я отвечу: хромой но живой в уцелевшем доме
ощущающей запах и вкус и других эволюций
избежавшей природного тиканья времени кроме

Второй автор из июльской плеяды путешествовал не только по просторам бывшей и настоящей родины, но и по Европе, Азии, Африке, чего и нам желает…

Заключительный аккорд в июльской подборке выпал на долю автора, находящегося на пике боли и отчаяния: «Мы – пацифисты, мы – интернационалисты, у нас в генах – за мир. Потому я участвовала в мероприятиях в поддержку тех, кто попадал под военный молох…»

Под крышей Берлинского интеграционного клуба «Диалог» собрались представители различных диаспор города, и понимать друг друга им помогает русский язык…

Мистический таки ***августин*** Art Dalyna работает чётко: по прочтении нескольких футуристических рассказов целенаправленно отправляюсь на страницу деятеля искусств и надолго там зависаю…

Сентябрь. Отрывок из романа, по прочтении которого один из друзей данного современного автора разочарованно скажет: «Вот я недавно прочёл письма Довлатова…» Кто сомневался? Что дозволено Зевсу… Вернее, великому стилисту и реформатору русской литературы.

Октябрь. Очередной современный автор примеряет на себя если не шапку Мономаха, то шляпку Жозефины Б. в мистификации в письмах.

Ноябрь. Автор этих строк облегчённо вздыхает…

Декабрь согревают «Строфы о себе», «Беседы с гибридом» и прочие опусы от современного, как сказали бы в СССР, зарубежного автора.

Для Приложения сделаю исключение и назову авторов поимённо.

Марина Ламбертц-Симонова обращает читателей к неизбывной теме:

И память не тревожат больше войны,
И вот уже стирается блокада...
[…]
Но плохо лишь одно: опять… Война
А папа уходил, достигнув Мира!

Алла Польская выступает в роли УФОлога.

Татьяна Кайзер в восторге: «Какой подарок Промысла оказаться в Венеции! Чтобы душа подпиталась дарованной порцией благости. И в копилку воспоминаний добавились новые, потеснив такие же милые душе восходы на острове Рюген.» Она приглашает нас «дать, наконец, самонадеянному разуму передохнуть от постоянного контроля, просто испытать детское доверие к происходящему.»

Что у нас с языковым барьером? «В юности стремление к многоязычию как-то сошло на нет. Позже по приезду в Германию немецкий язык вытеснил английский, стал иссякать украинский, забываться туркменский. Да только и немецкий-то лучше не становится, если не наоборот, так что, куда бы ни поехала, всё равно говорю на русском языке, потому как непременно окажутся рядом либо бывшие соотечественники, либо те, кто его мало-мальски знает.»

2.

Проект МГП «Плеяда-2022» напомнил мне картину «Ноктюрн в синем и золотом. Старый мост…», название которой случайно сослужило службу Джорджу Гершвину в эксперименте по созданию нового музыкального стиля, сочетающего джаз и классическую музыку: «Рапсодию в стиле блюз», исполненную автором12 февраля 1924 года в Нью-Йорке в сопровождении оркестра Пола Уайтмана. Сочинение Гершвина действительно представляет собой рапсодию: её музыкальный материал не заключён в строгие рамки музыкальной формы, а чередуется в свободной последовательности.

Но вернёмся в Венецию Татьяны Кайзер и к нашей «Плеяде»: «Из причудливого смешения стилей – западного и восточного, итальянского, арабо-мавританского, византийского, готики – создан неповторимый стиль с дворцами, хитросплетением многочисленных каналов, соединённых более четырёх сотен очаровательными мостами.»

Насколько прочен поддерживаемый нами – хранителями традиций – старый мост под интригующей обложкой?

Удастся ли когда-нибудь миру звучать подобно ансамблю, исполняющему «Рапсодию в стиле блюз», в фильме Адриала Матхалера?